

Михайла Ефремова трудно назвать человеком приятным во всех отношениях. Приятные люди предсказуемы, их поступки логичны, с ними удобно. Ефремов же человек "исторический" — и истории, из которых складывается его жизнь по жанру варьируются от анекдота до притчи. Ефремов — сам себе режиссер. В его существовании есть место и драме, и бурлеску, и трагикомедии — смотря по настроению. В этом нет никакого расчета, преднамеренности или хитро спланированного эпатажа. Часто даже получается — во вред себе и репутации.

Еще Ефремов большой умелец по части капустников, за что нередко бывает бит критикой, зорко усматривающей пресловутые капустники во всех его спектаклях. Хотя капустник — не дилетантство и не КВН, а полноценный театральный жанр, причем из трудных — по умению ловить момент и импровизировать. Это как в джазе, где без куража даже лучшему музыканту — делать нечего. А куража Михаилу Олеговичу не занимать — ни в жизни, ни в творчестве. Жизнь же и творчество, в случае Ефремова, есть одно неделимое целое и составляющее, собственно, судьбу. Театр и кино, режиссура и актерство — всего лишь проявления маетной этой судьбы — причем не далее, как на день сегодняшней. Завтра же все может измениться и в первую очередь сам Ефремов. Не декларируй! Его первая заповедь. Ведь декларациям надо соответствовать. А так... "Поквакал, поквакал немного и в тень, под кочку. Сидишь, отдыхаешь. Не думаешь о себе в перспективе", — так сказал мне Ефремов в интервью годичной давности. Упреки в отсутствии твердой позиции, творческой и иной программы вряд ли окажутся состоятельными в условиях эклектичности, непредсказуемости, трагифарсовости всей нашей сегодняшней жизни. Когда все мы, участники народной массовки, пребываем в роли комического деда из давнишней оперетки "Свадьба в Малиновке", который, в ожидании то красных, то белых, по десяти раз на дню менял буденовку на фуражку. Когда куклы из одноименной программы смотрятся куда реальнее своих политических прототипов, а "Время" великого и ужасного Доренко будет посильнее "Макбета" Шекспира.

И что, в такой клинической ситуации можно декларировать, скажем, в театре, которому впору вообще умереть от зависти к реальной жизни, все с большим успехом заменяющей нам не только театр, но и цирк? Да ничего не надо декларировать, прав Ефремов. Куда честнее, правильнее, но и труднее попытаться уловить внутренние ритмы окружающей среды и, пропустив их через собственную жизнь, войти с этими ритмами в резонанс. Как помнится мне из начального курса физики — каждый предмет имеет свои колебательные движения. И если колебательное движение, скажем, моста совпадет с колебательным движением роты солдат, по этому мосту марширующих, то он рухнет. Для моста и солдат это, конечно, плохо, поэтому солдатам не разрешается по мосту ходить строем. А вот для театра — это то, что надо. Рухнуть на зрителей всей эмоциональной мощью, вызвать ответную реакцию в виде слез, смеха и жалости — еще Пушкиным определенных трех основных реакций публики.

Что и произошло, на мой взгляд, на премьере "Максимилиана Столпника" — первой премьере чеховского МХАТа в юбилейном сезоне. Постановка Михаила Ефремова, режиссура Никиты Высоцкого, художник — Евгений Митта, музыкальное оформление Гарики Сукачева, ну а пьеса, само собой, выдающегося представителя тусовочной общественности, человека ренессансных талантов и мастера широкомасштабных провокаций Ивана Охлобыстина. Все вместе — компания задушевных друзей, пишущих, играющих, поющих про себя, любимых. При более близком знакомстве с историей вопроса выясняется, что и про нас тоже.

— Миша, в свое время, когда мы с вами беседовали о спектакле "Злодейка, или Крик дельфина" — первой работе вашей "могучей кучки" во МХАТе, вы сказали, что это история — "ужасная сказка про самих себя". А что, в таком случае, "Максимилиан Столпник"?

— А "Максимилиан Столпник" — прекрасная сказка про самих себя. Есть же в нас все-таки и прекрасное!

— Но ведь сказка — это что-то ненастоящее...

— Ну что вы! Сказка — это гиперреализм. У Охлобыстина ничего не выдуманно, ничего. Просто все колоссально спрессовано, мне кажется, что у Вани на сантиметр текста километр информации. В сущности, такой гиперреализм вообще свойственен русской литературе и драматургии. Да и жизни нашей